

ОЛЕГ ПОПОВ

Александр
Калмыков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Александр Д. Калмыков
Олег Попов. Невыдуманные
истории из жизни
Серия «Жизнь замечательных
людей (Молодая гвардия)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67595204

*Калмыков А. Д. Олег Попов: Невыдуманные истории из жизни
«Солнечного клоуна»: Издательство АО «Молодая гвардия»; Москва;*

2022

ISBN 9785235046757

Аннотация

«Солнечным клоуном» Олега Попова называли во всем мире. Его популярность во второй половине прошлого столетия была огромной – и в нашей стране, и за рубежом. Один известный голландский художник сказал как-то: «На Западе знают только три русских имени: Гагарин, Калашников и Попов», – и это очень похоже на правду.

Эта книга во многом основана на воспоминаниях самого артиста, а потому имеет подзаголовок: «Невыдуманные истории». Ее автор, известный режиссер, сценарист и продюсер, был близким другом Олега Попова. О жизни великого клоуна и его

непростом пути к вершинам мировой славы он рассказывает с добрым юмором и, что называется, «из первых уст».

Содержание

Шарик	7
100 граммов хлеба	17
Пятидесятые	30
Танец с принцессой	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Александр Калмыков
Олег Попов.
Невыдуманные
истории из жизни
«солнечного клоуна»**

© Калмыков А. Д., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное
оформление, 2020

* * *

*Автор и издательство благодарят вдову
Олега Попова, госпожу Габриэль Попову, за
предоставленные фотографии.*

Шарик

Воздушный шарик, летящий в облаках, – это и есть знак волшебника, всеобщий символ праздника.

И пусть вокруг грязь и холод, а дома мама мерным ножом аккуратно отрезает дневную пайку хлеба... Но если на улице у кого-то в руке появились разноцветные шарики, они мгновенно меняют настроение, заражают всех окружающих «вирусом» радости.

Давным-давно светловолосый мальчуган получил от клоуна в цирке «шарик счастья». Кажется, именно тогда в сердце мальчишки родился маленький, озорной клоун. Но пока об этом еще не знал никто.

В далеком 1930 году 31 июля в семье бригадира сборщиков Московского часового завода родился мальчик, которого назвали Олегом. Предки этого мальчика – и дед, и прадед – были священниками. Отсюда и фамилия – Попов.

Вся последующая жизнь новорожденного станет сплошной цепью необыкновенных чудес и мистификаций. До сих пор ведутся споры о месте его рождения: Большая советская энциклопедия фиксирует деревню Вырубово Кунцевского района Московской области. Сам Олег Попов всегда называл местом своего рождения подмосковный поселок Обираловка, переименованный в 1939 году в Железнодорожный.

А в российском паспорте в графе «место рождения» у Олега Попова записано: город Москва. Ну что сказать, клоун, да и только!

Отцу Олега на заводе доверялась самая ответственная работа – сборка подарочных часов: ведь он был одним из лучших мастеров. Механизм был взят от швейцарских часов, при этом разработан собственный дизайн, добавлены коричневый кожаный ремешок, сверху еще два ремешка, один меньше другого. И в центре золотые стрелки и надпись на циферблате: «1-й часовой завод». Часы, собранные отцом, иногда даже отправляли на выставку.

Мама работала ретушером в фотографии. Тогда существовала такая профессия, исчезнувшая ныне. И хотя отец зарабатывал довольно прилично для того времени, мама, чтобы не сидеть постоянно дома, устроилась на работу.

Ретушер – это художник, который подкрашивает черно-белые фотографии, превращая их в цветные. Подкрашивает щечки, бровки, волосы. Такие фотографии пользовались большим успехом.

Правда, зарплата у ретушера была совсем маленькой. Но и времени работа отнимала немного.

Олег рос крепким мальчишкой. Невысокого роста, но хорошо сложенный, сбитый, спортивный. Вместе с ребятами без усталости лазил по крышам, по деревьям, воровал соседские яблоки, чуть ли не ежедневно рвал о гвозди штаны. Несмотря на малый рост, мог постоять за себя. Был он блондином:

белые брови и льняные волосы. За это мальчишки прозвали его «Седой».

Железнодорожный 30-х годов был еще не городом, а поселком и скорее напоминал деревню (да и название свое он получил только в 1939 году). Олег ни в чем не отставал от местных хулиганов и в драках был довольно жестким. Уважение среди пацанов имел великое, потому что первым стал носить ножичек. И если после школы к нему подходили «приблатненные» старшекласники с требованием отдать денежки, выданные мамой на еду, никогда не отдавал. Заступался и за себя, и за своих товарищей.

А вот внешность у него была ангельская. Мама стригла его «под горшок». И это был блондин с огромными голубыми глазами – прямо отрок с иконы.

Однажды, в конце 30-х годов, отец решил отвести его в цирк. В то время цирк в Москве был только один, он находился на Цветном бульваре. Это был бывший цирк Саламонского с лошадами на фасаде, которые удерживают бубен циркового манежа.

Олегу очень понравилось представление, но особенно его поразил огромный размазанный клоун с красными губами и ярким париком. Клоун раздавал детям шарики, которые тогда были большим дефицитом. И Олегу достался такой шарик. С этим шариком, счастливый, он шел по улице, разгребая ногами осенние листья.

На них оборачивались, видели двух счастливых людей, от-

ца и сына. Отец тоже был счастлив, потому что ему удалось сделать своего любимца радостным и счастливым. Они вместе, смеясь и балуясь, набирали листья в охапку и посыпали этим «цветным дождем» друг друга. В ту осень опавшей листвы было очень много, в парках и бульварах – почти по щиколотку.

Потихоньку, на перекладных, они добрались до родного поселка. Не без помощи отца Олег развязал нитку у шарика и сдул его, чтобы сохранить на память. А чтобы шарик не пропал, положил его между страниц любимой книги. Бережливость с детства была свойственна Олегу. Он никогда не разбрасывался вещами, постоянно собирал какие-то коллекции, старинные предметы. Случай этот настолько запал в его память, что годы спустя он, появляясь в своей первой, «выходной» репризе, всегда сам раздавал детям шарики.

Через некоторое время счастье, в котором пребывал малыш, сразу в одночасье потускнело. Как выяснилось позже, на часовой завод пришел очень важный правительственный заказ. Мало кто знает, что вождь всех народов Иосиф Виссарионович Сталин собирал часы. Ему периодически привозили их из-за границы, и у него в коллекции было несколько часов «Омега» и «Буре», других известных швейцарских и английских марок.

Московскому часовому заводу заказали к какому-то празднику партию часов. Они предназначались членам политбюро, а также должны были служить подарками для осо-

бо отличившихся рабочих, крестьян, представителей интеллигенции. Вручать эти дорогие подарки должны были на банкете в Кремле.

Созданием партии особо точных часов ручной сборки занималась бригада во главе с Константином Поповым. Часы были очень хорошие. Однако случилось так, что одни из подарочных часов остановились. И этого оказалось достаточно для того, чтобы НКВД устроил расследование. Всех, кто был в бригаде, во главе с Поповым, арестовали.

Дальнейшая их судьба неизвестна. Говорили разное: одни – что отец без вести пропал, другие – что видели его на лесоповале в Сибири. Но большинство утверждало, что он был расстрелян.

Над домом сразу опустились тучи. Жить на одну зарплату ретушера было невозможно. Поповы занимали две комнаты в трехкомнатной коммуналке, в отдельной комнате жила старушка. Старушка умерла. После ареста отца их потеснили, заставили перейти в одну комнату, а в две другие заселился доцент института. Он преподавал биологию и химию и частенько дома проводил химические опыты. Соседи, мама и сам Олег, называли его просто: инженер-химик.

Мама очень переживала за то, что у Олега могут быть неприятности в школе из-за ареста отца. Она хотела перевести его в другую школу. А вскоре началась Великая Отечественная война.

Одиннадцатилетний мальчик ощутил начало войны по го-

лоду. Голод так и остался главным воспоминанием его детства.

В конце 41-го года Олег заболел тифом. Врач долго осматривал его, потом сказал: «Мальчик крепкий, но ему нужно нормальное питание. Желательно фрукты».

Усиленное питание. А откуда его взять? Мать пошла на «барахолку», где продавалось всё, от женских туфель на шпильке до хлеба и сала. Там она купила чашку клубники. Как уж она сохранилась к концу осени – неизвестно.

А еще мама кормила больного Олега манной кашей. Сначала он съедал свою тарелку, а потом она отдавала ему собственную порцию. Он ел, а она плакала. Плакала из жалости к нему, из жалости к себе, плакала оттого, что наступили такие страшные времена. Олег на всю жизнь запомнил эту кашу со слезами. Однако забота матери и крепкое здоровье сделали свое дело – мальчик выздоровел.

Некоторые оборотистые люди даже во время войны жили неплохо. Сосед Поповых по квартире, инженер-химик, приноворился к новому времени и стал прямо в квартире, в ванной, варить мыло. В войну мыло было огромным дефицитом. А химик варил по несколько десятков кусочков зараз.

У всех в памяти было мыло хозяйственное – огромный неряшливый кусок коричневого цвета. Мыло, которое варил сосед, было необыкновенным – прозрачным и цветным. Зеленым, оранжевым, розовым, всех цветов радуги. Олег говорил, что оно было настолько красиво, что его хотелось отку-

силь.

Время было тяжелое не только потому, что был голод и шла война. Страна жила в доносах. Соседи доносили друг на друга. На службе, на работе друг на друга доносили коллеги.

И вот инженер-химик, чтобы соседи не донесли на него, предложил матери Олега: «А не хотите ли вы вашего мальчика попробовать в продаже? Я смотрю, он парень шустрый, сообразительный, может за себя постоять. Дам я ему несколько кусочков мыла, пусть отнесет их на “барахолку”. Если сумеет продать, то три четверти выручки отдадите мне, а четверть заберете себе». Мама и Олег с радостью согласились.

День этот стал очень важным для Олега – он выходил во взрослую жизнь, становился взрослым. Мама упаковала восемь кусочков мыла, положила их в мешочек и благословила Олега.

Олег говорил, что мыло, которое он разложил на рынке, разлетелось за одну минуту. Люди выхватывали его прямо из рук, платили, не торгуясь. И уже через несколько минут у него в кармане собралась приличная сумма денег.

«Барахолка» сильно поразила полуголодного мальчишку, можно сказать, что она произвела на него неизгладимое впечатление на всю оставшуюся жизнь.

Он медленно шел по рядам и изумлялся: на открытых прилавках лежали большие куски масла, батоны любитель-

ской колбасы с маленькими белыми кружочками сала шпик, черная икра в прозрачных банках, водка, огромные осетры, другая рыба, мясо.

Там продавались даже торт с кремом и пирожные. Олег не мог оторвать глаз от всего этого. С той самой поры «барахолка» для него стала символом достатка, сытости, счастья. Ведь именно там и «живет» все самое вкусное и красивое на свете. Надо усиленно трудиться, чтобы позволить себе купить это самое «счастье».

За несколько лет до выпуска из циркового училища, в 1946 году, друзья спросили Олега: «Какая у тебя мечта?» И он ответил:

– Больше всего на свете я хотел бы получить бутерброд: белый хлеб и масло. А сверху кусочек любительской колбасы со шпиком. И чай с сахаром.

Чай с сахаром и бутерброд с колбасой оставались символом мечты для этого юноши почти до двадцати лет!

Часто впоследствии, уже в зрелом возрасте, в пятьдесят и даже в шестьдесят лет, он просыпался в холодном поту. «Страшный сон, – рассказывал он потом друзьям. – Мне приснилось, что снова наступил голод». Он голодал долго, все детство и юность. А в этот день на «барахолке» выручил большие деньги, но ни копейки не истратил и отправился домой, чтобы отдать их маме. Вдруг откуда ни возьмись появилась шпана. Один взрослый хулиган, уже прокуренный и с татуировками, и еще три шпаненка с грязными и злобными

лицами. Они со стороны наблюдали, как успешно шла его торговля. Олегу, напомним, в тот момент было всего 11 лет.

Подошли близко и, сделав страшные глаза, сказали:

– Слышь, Седой, деньги отдавай.

Олег не растерялся. Встал в бойцовскую стойку, залез в карман:

– Я сейчас достану нож. И каждого, кто приблизится, «попишу».

Он ни за что не отдал бы деньги, которые могли спасти от голода его и мать!

И шпана отступила. Они увидели маленького волчонка, который зарежет и перекалечит всех, кто приблизится, или устроит крик на всю «барахолку». Нет, такой денег не отдаст!

С той поры Олег частенько выходил на рынок по просьбе соседа. И приносил маме что-нибудь съестное, какие-нибудь подарки.

...В последний день своей жизни, в городе Ростове, когда ему уже было 86, Олег отправился на рынок. День был выходной, цирк не работал.

Ростовский рынок – это, конечно, не «Привоз», но тоже очень сытное место, богатое всякой снедью. Ростовчане – люди доброжелательные. Олег Константинович удивлялся: «Я не работал в Ростове сорок лет. Тем, кто меня видел в детстве, сегодня уже за пятьдесят. Но они меня знают и помнят».

Его действительно узнавали на улицах. Дарили цветы.

То же произошло и на рынке. Люди узнали его и перестали торговать. Окружили толпой. Кто-то принес ему рыбу, кто-то вареных раков, кто-то стаканчик домашнего вина. Олег был на вершине счастья, он радовался вниманию, простой еде, простому доброму отношению. А это ведь и есть настоящее признание. Люди с открытым сердцем, с открытой душой угощали великого артиста тем, что имели.

Абсолютно счастливым он пришел домой, вкусно поужинал, сел в кресло перед телевизором, закрыл глаза и... умер. Просто уснул и умер. Так уходят только люди, поцелованные Богом.

100 граммов хлеба

Вы никогда не замечали, как сходятся первый раз во дворе незнакомые мальчишки? Уже после нескольких первых вопросов сразу становятся друзьями-товарищами: вместе играют, спорят, кричат.

– Привет! Откуда сам? Из Ясенева! Какие у тебя кроссовки классные! Играть будешь?

И это всё!

Сегодня они спрашивают про кроссовки. А много лет назад диалог был несколько другим:

– Здорово! Работаешь – учишься? Учишься? Где? В цирковом? Здорово! А сколько вам там хлеба по карточке отоваривают? О-о! Талон усиленного питания, как физкультурникам!!!

Тогда, в сорок пятом, никто бы не удивился, что лишних сто граммов хлеба могут кардинально повернуть жизнь человека. Не удивились бы и бывшие блокадники тому, что, например, прирожденный слесарь ради еды оставляет любимую профессию и вдруг становится... эквилибристом. Это странно звучит сегодня. А для тех, кто ставил знак равенства между словом «голод» и «смерть», – этот выбор абсолютно ясен.

Во время войны несовершеннолетние мальчики работа-

ли, чтобы помочь Родине, помочь семье. Когда Олегу исполнилось 14 лет, мать вынуждена была разрешить ему пойти работать. Комбинат «Правда» был элитным предприятием, там был повышенный паек, и поступить туда на работу было непросто. Помогли друзья отца. Они рассказали, что в Образцовой типографии, в которой издавался главный печатный орган страны, газета «Правда», старый наборщик, а теперь лучший слесарь, но очень вредный старик, набирает учеников.

Олег явился на полиграфический комбинат рано утром и оказался одним из четырех кандидатов. Старик, несмотря ни на какие протекции, решил устроить всем экзамен. Пацанов завели в комнату, где стояли четыре сверлильных станка. Олег был маловат ростом из-за постоянного недоедания. Ему подставили ящик от стола, чтобы он доставал до станка. Остальные ребята были старше и выше его.

Старый слесарь дал им детали и попросил просверлить в нескольких местах. На работу отвел час. Олег встал на ящик и, сосредоточившись, просверлил все, как надо.

Кое-кто закончил работу раньше, чем он. Пацаны баловались, шутили. Кто-то достал карты, все сели играть. А Олег нашел щетку, подмел стружки, собрал их и выбросил в ведро, приведя рабочее место в порядок. Сел и стал терпеливо ждать. Он очень хотел получить эту работу.

Оказалось, старый слесарь все это время следил за ребятами. Потому что ученик ему нужен был только один. И он

выбрал Олега. Остальных тут же выпроводил. Так Олег начал работать на комбинате «Правда». Он всей душой любил эту работу. Особенно нравилось ему слесарить. В свои 14 лет он освоил все станки. Какие-то вещи из металла делал просто филигранно. Старшие коллеги и учителя не могли нарадоваться на него.

На комбинате был положен паек хлеба, определенный всем рабочим. Этот паек Олег приносил домой, делил с мамой. Так он стал полноценным кормильцем семьи.

Недоедали тогда все. И всё же в обеденный перерыв, полуголодные, они выбегали на 5-ю улицу Ямского Поля и играли в футбол прямо на проезжей части, благо машин было мало. Иногда доставали мяч, а иногда просто тряпку, свернутую в клубок. Играли самозабвенно. Случалось, что разбивали окно или опрокидывали урну. Но игра в футбол была для них уходом от серой действительности и маленьким счастьем.

Вскоре к ним стали подтягиваться рослые, крепкие ребята. Оказалось, что это студенты циркового училища. Оно находилось недалеко, через три дома. Играли студенты здорово и ловко – настоящие спортсмены. Но Олег не уступал никому в ловкости и умении пройти с мячом до ворот.

Обычный вопрос, который задавали мальчишки друг другу в далеком 44-м году: «Сколько хлеба дают?» Тогда ведь была карточная система.

Выяснилось, что, учитывая потребности молодого орга-

низма и необходимость делать сложные физические трюки, сальто-мортале, гимнастику, акробатику, – студентам циркового училища давали хлеба на 100 граммов больше, чем слесарям типографии «Правда». Это, собственно, и решило судьбу Олега Попова. Он сам неоднократно повторял, что главной причиной его прихода в цирковое училище были те самые дополнительные 100 граммов хлеба.

Кому-то покажется это банальной прозой. А я думаю, что откровенность, с которой Олег это рассказывал, достойна уважения.

С конца 1944-го (набор проводился поздно) он уже студент Государственного училища циркового искусства. Учился он очень успешно. Правда, ни о каком отделении клоунады речь не шла. Сразу заметили, что мальчик ловкий. И уже в первый год он выполнил норму перворазрядника и прыгал так называемую «окрошку»: перевороты с рук на ноги и наоборот: рундат, фляк, заднее сальто (почти что норма мастера спорта).

Прыгал он с ловкостью обезьянки. Когда у Олега Попова был 60-летний юбилей, то он, решив порадовать публику, разбежался и исполнил эту комбинацию: рундат, фляк, задний. То есть приземление на руки, на ноги, опять на руки, на ноги через спину и сальто. В шестьдесят лет, я думаю, это было сделать гораздо труднее, чем в пятнадцать.

Особенно удивляло педагогов его чувство баланса. Баланс – вещь врожденная. Он мог балансировать на лбу или

на носу спичкой, листом бумаги, палочкой, денежной купюрой, куклой. А стакан с водой мог носить на голове по училищу бесконечно. И его педагог, выдающийся режиссер Сергей Дмитриевич Морозов, решил, что Олег будет работать в жанре «эквилибра».

Жанр «эквилибра» в цирке – это весьма широкое поле деятельности. Один из основных поджанров – хождение по канату. Среди канатоходцев, или «эквилибристов на канате», есть еще два подвида: «канатоходцы на туго натянутой проволоке» и «канатоходцы на свободной проволоке».

Вот по этой-то «свободной проволоке» ходить гораздо труднее. Олега убедили, что это и есть его цирковое будущее, поскольку таких номеров тогда, да и сегодня, очень немного.

«Свободная проволока» – очень коварный аппарат. Один неправильный подход – и артист падает вертикально вниз головой. При таком падении может сломаться позвоночник, и тогда артист или покойник, или инвалид.

В одном отношении «свободная проволока» помогла Олегу. Он как-то рассказывал, что в 50—60-е годы почти все клоуны, работавшие у ковра, были пьяницы. Почему? Потому что была такая странная традиция: после представления какой-нибудь «богатый» или крепко выпивший поклонник приходил с бутылкой, чтобы обязательно выпить с клоуном. И отказаться нельзя. Потому что здесь была какая-то пролетарская солидарность. Если ты клоун, а я, например, лучший сварщик, как это ты со мной не выпьешь?

Вообще к пьянству в те времена в цирке относились... положительно. Выходной день, как правило, был в понедельник. И вечером воскресенья все мысли артистов крутились вокруг застолья, вокруг возможности выпить, поговорить по душам. И когда заканчивалось вечернее воскресное представление, цирковые говорили друг другу: «Ну, с выходным!» Это значит, что можно сесть, как следует выпить, а потом уже в понедельник тихонечко отходить. Кто опохмелялся, кто нет. Весело и бурно проводили выходной день, чтобы во вторник утром, забыв обо всем, снова репетировать, выгоняя из себя всю гадость, а вечером быть готовым к исполнению сложных трюков и комбинаций.

Так вот Олег говорил, что «свободная проволока» спасла его от этого пьянства. Потому что если ты выпьешь перед представлением, то возникает огромный риск, что проволока выбросит твои ноги наверх и ты упадешь на голову.

Однажды, когда была огромная компания, какие-то начальники, большие люди, гости, он послушался своего «внутреннего голоса» и немного выпил перед работой. Кончилось это очень плохо. Его увезла «скорая помощь». А на затылке до конца жизни остался глубокий шрам после трепанации черепа.

Но тогда, в 40-е, о пьянстве и речи быть не могло. Не хватало хлеба. Все студенты хотели создать свой уникальный номер, который сможет их кормить всю жизнь. И вот такой уникальный номер Сергей Дмитриевич Морозов придумал

для Олега.

В стране было множество государственных праздников. Отмечали их в зависимости от времени года. Если была зима, то праздники отмечались в Большом театре. Там устраивали так называемые правительственные концерты. Традиционно в них участвовали хор Пятницкого, украинский танцевальный коллектив «Вережки», какой-нибудь оперный певец или певица, балетная пара, известный драматический актер с чтением стихов Маяковского. Фактически были представлены все виды советского искусства.

А если праздник планировался летом или осенью, то режиссеры-постановщики предпочитали делать свои шоу на стадионе или прямо на Красной площади. В 1949 году вся страна готовилась к 70-летию Сталина, работала под лозунгом «70 лет великому вождю!». Но ведь и 7 ноября тоже надо было отметить! Как-никак 32-я годовщина Великой Октябрьской революции!

И вот режиссер-постановщик такого праздника на Красной площади собрал всех участников на стадионе в Лефортове и целый месяц репетировал это торжественное мероприятие. Там участвовали акробаты, представители художественной и спортивной гимнастики. Соревнования по спортивной гимнастике в нашей стране шли уже регулярно с середины 30-х годов, а вот художественная гимнастика сформировалась в СССР только в 40-е годы.

Сотни спортсменов синхронными группами повторяли

эффектные упражнения, строились в пирамиды, ездили на мотоциклах или огромных машинах с флагами.

Ну и, конечно, на этот праздник по полной программе был привлечен профессиональный цирк, в том числе студенты циркового училища. Чтобы студентам, спортсменам и артистам не ездить через всю Москву, для них было снято общежитие недалеко от стадиона в Лефортове.

Целыми днями шли репетиции. Повторы, крики, перестроения. Режиссер был постоянно недоволен. А вечером молодежь была предоставлена сама себе. А какие интересы у молодежи во все времена? Вино и девушки. И молодые люди гуляли по парку, танцевали, выпивали, целовались.

Но Олег Попов не ходил ни на какие молодежные вечеринки. После ужина он брал с собой канат, шел в глубину Лефортовского парка, привязывал канат к двум крепким деревьям, создавая «свободную проволоку». И под светом звезд и луны долго и методично репетировал свои сложные трюки, оттачивая движения.

Олег стремился к совершенству. Он хотел стать лучшим в своем жанре. Он молился об успехе. Его предки были священниками, мама была верующей, и Олег до конца жизни оставался верующим человеком. Мама научила его молитвам, и он молился перед каждой репетицией. А впоследствии перед каждым представлением.

И вот такая картина. Поздняя осень, конец октября. Облетающие листья деревьев. Между деревьями в темноте привя-

зан канат. На нем стоит юноша, почти мальчик. Он балансирует на одной ноге, крутит на палочке фуражку. И во весь голос молится Богу, просит: «Господи, пошли мне успех, большой успех. Я скоро стану артистом. Мне, как воздух, нужен успех. Прошу тебя, Господи».

И Господь услышал эти ночные молитвы.

Ни один из действующих артистов российского и советского цирка, да что там говорить, даже зарубежного цирка, никогда не добивался такого успеха, какого добился Олег Попов. Впоследствии его сравнивали только с Чарли Чаплином, который считается одним из основателей современной клоунады. Когда Олега Попова спрашивали, кто является вашим учителем в клоунаде, он, не задумываясь, отвечал: «Чарли Чаплин».

Во времена его детства мальчишки часто бегали в кинотеатры. Тогда частенько вместо киножурнала показывали короткометражки Чаплина. Олег знал их все наизусть. Оттуда появились многие его смешные трюки, или «гэги».

Через многие годы успех Олега был увенчан Книгой рекордов Гиннеса. Его «рекорд» был очень своеобразен. «За долговечность нахождения на вершине шоу-бизнеса» – так гласила надпись в книге. Майкл Джексон находился на вершине шоу-бизнеса 25 лет. Уитни Хьюстон – 20 лет. Многие эстрадные суперзвезды – 15–20 лет. А Олег Константинович Попов находился на этой самой вершине 66 лет. Вот так его молитва в ночном Лефортовском парке была услышана Все-

вышним.

В цирковом училище того времени было принято, что студенты первого и второго курсов, которые обучались на физкультурно-акробатическом отделении, занимались все вместе. Их всех учили прыгать сальто, стоять на руках, балансировать на катушках и т. д. Начиная с третьего курса шла специализация: кто-то шел в воздушный полет, кто-то в акробаты подкидных досок. Олега, как уже было сказано, забрали на «свободную проволоку».

Когда студенты переходили на третий курс, у них фактически были уже готовые номера. Да, не было тех костюмов, которые им шили только к выпуску из училища, не было музыки, звучавшей из оркестра. Но чисто технически, по уровню исполнения трюков, они все были готовы к показу на зрителях.

И, конечно, не только Олег, но большинство тогдашних студентов, голодных молодых людей, фанатично были преданы своему делу. Они верили, что выбрали ту самую работу, которая нужна зрителям и которая принесет им успех. Поэтому педагоги циркового училища и легендарный директор Александр Маркианович Волошин всегда разрешали студентам подработки, или так называемые «халтуры», то есть концерты на публике.

И начиная с третьего курса студенты «шли вразнос»: кто-то договаривался в средней школе, кто-то в детском саду, кто-то в ближнем Подмосковье, или на закрытом предпри-

ятии, или в воинской части. Эти контакты они передавали друг другу. Ездили без конца, практически ежедневно. К окончанию четвертого курса студенты циркового училища были «обстреляны» зрительскими аплодисментами, как солдаты. К окончанию учебного процесса они уже отработывали на стороне не менее двухсот – трехсот концертов и выходили из стен училища настоящими профессионалами.

Олег не был исключением. Но возить с собой в поездах, метро и автобусах аппарат «свободной проволоки» было неудобно. Это очень тяжелый реквизит, и устанавливать его на случайных сценах трудно. Тогда один из педагогов училища, Рудольф Александрович Грилье, выделявший Олега среди других, так как преподавал основы актерского мастерства и клоунады, предложил им вместе разыгрывать на концертах старинные клоунады, сценки и «антре».

В книге Дмитрия Альперова «На арене старого цирка» перечислено очень много старинных реприз и клоунад. Только из них можно было сыграть огромное количество сценок. А еще Рудольф Грилье и Олег Попов инсценировали популярные анекдоты, фельетоны из газет, ходячие притчи.

Олег настолько пристрастился к этой практике, что они играли клоунады практически каждый день. Педагог и второй партнер Олега, Борис Шульгин, тоже студент, встречались, как правило, уже в вагоне электрички. За билеты они никогда не платили. Увлекательным спортом было для них ежедневное бегство от контролеров. Словно зайцы, они пе-

ребегали из вагона в вагон. Им это всегда удавалось.

Ездили они, как правило, в Орехово-Зуево или Серпухов, Подольск. И все новые репризы репетировали прямо в тамбуре электрички. Это было весело, азартно и... выгодно.

Только что в холодном тамбуре они «развели» и едва выучили репризу. Приехали, через час надо ее уже исполнять на публике. Конечно, клоунские интермедии, репризы и анекдоты пользовались самым большим успехом. Публике нравились и акробаты, и жонглеры, и фокусники, но клоунские сценки нравились гораздо больше.

Мама сшила Олегу какой-то дурацкий пиджак, перешила из своего платья рубашку, сделала ему какую-то «дикую» прическу.

Видно было, что педагог Рудольф Грилье страстно увлечен идеей договорных концертов не только потому, что это приносило приличные деньги (львиную долю которых он забирал себе). Ему нравился сам процесс. За два года таких поездок Олег сыграл не менее двухсот реприз. Какие-то репризы они придумывали сами. У Олега образовалась колоссальная клоунская практика, которая была не только теоретической, выученной на лекции в студии, но и практической, отработанной и апробированной на публике.

Если в каком-то фрагменте клоунады публика не засмеялась, они фиксировали на этом свое внимание, что-то меняли, выстраивали и перестраивали программу. Благодаря этим поездкам по бесконечным «халтурам» Олег, сам того

не понимая, вышел из училища не только обладателем номера «эквилибр на свободной проволоке», но и профессионально обученным, «обстрелянным» на зрителях клоуном. Всю жизнь в дальнейшем он легко сочинял для себя репризы, придумывал клоунские ходы и «гэги».

Надо сказать, что большинство современных клоунов имеют в своем репертуаре очень небольшое количество реприз – максимум пять-шесть. Они боятся делать новые: а вдруг публика их не примет? Олег Попов, уже будучи звездой, никогда не боялся сочинять новые репризы. В его репертуарном листе только официальных, зарегистрированных реприз было больше двухсот.

Олег вспоминал, что Борис Шульгин – его напарник, который ездил с ним вместе в электричках на «халтуры», также был очень подвижный и живой парень. Однажды он отозвал Олега в сторону и достал из сумки большую головку лука. Время было послевоенное, голод в стране продолжался. А отец Бориса работал директором овощной базы. Борис был очень привязан к Олегу и каждый день привозил ему и себе по головке лука и говорил: «Ешь, Олег. У нас совсем нет витаминов. Ешь лук, чтобы зубы не выпадали». И этот лук сохранил им здоровье. Лук так навсегда и остался любимым овощем для «Солнечного клоуна» Олега Попова. Он мог съесть головку лука без соли, аппетитно, фыркая и испытывая наслаждение.

Пятидесятые

Пятидесятые годы делятся как бы на две части. В первой – удушливое доживание мрачного диктатора. Это ведь именно тогда, в погоне за «ведьмами», состряпали «дело врачей», вели борьбу с кибернетикой, «травопольной системой». Всё «старое политбюро» сидело «на чемоданах» и готовилось к изгнанию, застенкам и расстрелам. Страна дрожала в смертельном холоде.

А потом как будто открыли окна в темной и душной комнате. Двадцатый съезд стал «бомбой», брошенной в сознание миллионов людей. Оказывается, Сталин был тираном и диктатором, загубившим миллионы невинных жизней. Пришло долгожданное падение «железного занавеса». В затравленных сердцах людей родилась надежда на новую жизнь. Телевидение и цирк, фигурное катание и хоккей стали частью массовой культуры, без которой трудно представить жизнь советских людей того времени.

Быстро прошли годы обучения в цирковом училище. Они состояли из бесконечных фанатичных репетиций по подготовке основного номера и элементарной борьбы с голодом. После многочасовых репетиций начинались поиски заработков, «халтур», концертов, за которые часто платили просто едой.

В 1950 году Олегу исполнилось двадцать лет, и в том же году ему предстоял выпуск из циркового училища. Конечно, ему повезло. Режиссером его номера стал Сергей Дмитриевич Морозов. В те времена один из самых продвинутых и прогрессивных режиссеров, который почувствовал время и увидел будущее цирка в его мощной эстетической реновации, уходе от опостылевшего пролеткульта, от «синей блузы», «бытовухи» и прочей политизированной чуши.

Морозов создал номер, в котором главным героем был молодой, эксцентричный блондин. На нем был элегантный костюм – шляпа, тросточка; в этом костюме он фривольно прогуливался по свободной проволоке, как по улице, знакомился со зрителями, с униформистами. В его облике не было ничего советского – он выглядел как «денди», как какой-то заграничный модник.

После прогулки наш герой начинает готовить себе обед. Он ловко манипулирует кастрюлями и сковородками, жонглирует тарелками, ножами и вилками, крутит посуду на палочках. Он предлагает униформе и зрителям полакомиться вместе с ним. А потом располагается на проволоке, как на мягкой кровати, и беззаботно засыпает.

Номер был чрезвычайно стильным для того времени. Можно было подумать, что в цирк забрел приезжий иностранец, забрался на проволоку и фривольно дурачится там.

А время-то было суровое. И в 50-м году были еще свежи в памяти разгромное постановление ЦК «О журналах “Звез-

да» и «Ленинград»» и регулярные статьи в «Правде» о борьбе с космополитизмом и апологетами зарубежной культуры.

В те годы фактически уничтожали Анну Ахматову, не публиковали ни строчки. Михаил Зощенко, выдающийся русский, советский писатель, рассказывал, что когда он шел по Невскому, бывшие друзья, чтобы не здороваться, переходили на другую сторону улицы. Позднее досталось и великому Шостаковичу за его оперу «Катерина Измайлова». Большие неприятности коснулись и очень благообразного, очень правильного композитора Вано Мурадели. Их произведения запрещали публиковать, исполнять – их травили, не платили им никаких гонораров, делая жизнь этих высокоталантливых людей фактически невозможной.

Как ни парадоксально, но жестокая борьба с космополитизмом пришла и в аполитичный цирк. Ее первой жертвой стал выдающийся цирковой режиссер Борис Шахет.

Это с его легкой руки в цирковом костюме навеки поселились так называемые «блестки». Маленькие блесточки, которые, словно зеркальные пуговицы, сотнями пришивались к костюму для того, чтобы под светом прожекторов отражать свет и в прямом смысле слова блистать. Цирковые артистки пришивали их тысячами на свои костюмы. Иногда в манеже они выглядели как золотые рыбки.

Так вот эти блестки и яркий грим, яркие парики у клоунов стали предметом постоянной травли со стороны партийной номенклатуры и добровольных критиков. А поскольку Борис

Шахет был главным режиссером Московского цирка, то ему доставалось больше, чем кому бы то ни было.

Бедного новатора постоянно критиковали, травили, устраивали скандальные собрания. В ту пору еще сохранялась старинная клоунская традиция называть клоунов забавными, часто «вкусными» кличками: «Футид и Шоколад», «Бублик», «Гудзик и Горошек».

Но с начала 50-х годов, под воздействием постановления ЦК КПСС от 14 августа 1946 года и жестких передовиц газеты «Правда» о борьбе с космополитизмом и «тлетворным» влиянием Запада, все клоуны Советского Союза позабыли про свои клички и стали писать на афишах собственные фамилии. Вот вам примеры: Юрий Никулин и Михаил Шуйдин и, конечно, Олег Попов. Хотя на Западе клоуны до сих пор носят псевдонимы и клоунские клички.

История с Шахетом закончилась трагично. Однажды, после выпуска на манеж очень красивого парада, где были гимнастки в коротких юбочках в блестках, клоуны в ярких париках – для всех артистов цирковой программы были пошиты изумительные новаторские костюмы, – устроили собрание. И на нем один известный критик с «правильными взглядами на искусство» в течение часа уничтожал Шахета за его западническое влияние на новое поколение строителей коммунизма, обвинив его чуть ли не в шпионаже в пользу акул империализма. «Как можно? Это же любимое пролетарское искусство! Это самое народное искусство. А вы прививаете

нашим детям, нашим зрителям вкусы разрушающегося Запада».

Шахет вышел с этого собрания, вдохнул воздух на пороге Московского цирка и... умер там же, на крыльце. Это страшная история о борьбе эстетической, которая переросла в борьбу физическую. В физическое истребление деятелей искусства.

В это самое время и выпускался из циркового училища Олег Попов со своим очень интересным номером, элегантным «западным» костюмом от режиссера Сергея Дмитриевича Морозова.

Ну и, конечно, он тоже попал под «раздачу». Собрался худсовет циркового училища, специально пригласили начальников из Союзгосцирка. Бедного Морозова тоже начали «травить». «Это безобразие! Это эстетство! Это космополитизм! Что это еще за денди? Где наш пролетарский молодой парень? Где наши традиции? Где народное влияние? Почему он не в русском костюме?» – неслоь отовсюду.

И Олегу Попову на выпуске письменно строго-настроено запретили исполнять этот номер где-либо. Он не выпустился вместе со всеми летом, его оставили в училище. Наскоро «слатали» что-то весьма «плоское» и заурядное типа «Утренняя гимнастика на проволоке».

Для того чтобы о «провале» циркового училища никто не узнал и неудавшийся выпускник не болтался перед глазами, его отправили как можно дальше. Городом «ссылки» из-

брали Тбилиси. А там директором цирка был легендарный когда-то борец, огромный человек добрейшей души. Все артисты называли его «папа Лад». Он любил их всех. Подкармливал бедных, помогал многодетным семьям. А Грузия, как известно, не всегда строго жила по законам советской власти. Там позволяли себе закрыть глаза на особо дурацкие распоряжения из Москвы.

Прибыв в том же 50-м году в Тбилиси, Олег пришел к «папе Лад» и объяснил: «Так и так. Выпустил номер. Четыре года готовился. А номер запретили». – «Ну, тут ничего не поделаешь, – отвечал «папа Лад». – Лишить зарплаты я тебя не могу. Будешь выходить в парад. Пройдешь два круга с поднятой наверх ладошкой, и зарплата твоя. А пока что-нибудь придумай. Может быть, какой-то другой вариант номера».

Олег вынужден был показать «папе Лад» «дежурный» вариант номера «Утренняя гимнастика», с которым его прислали в Тбилиси, – номер абсолютно никчемный, грубый и даже вульгарный. «Нет, сынок, – сказал «папа Лад». – Ты лучше ходи по кругу. Получай свою зарплату. А придумаешь что-нибудь другое, будем смотреть».

Это довольно редкое и щедрое решение, потому что артисты, чтобы получать зарплату, должны были выходить в парад плюс работать свой номер. А здесь молодому парню, только что выпустившемуся из училища, позволяли выйти только в парад. По цирковым правилам, если артист едва

только вышел в парад – ему ставится в таблице «рабочий день». И так длилось несколько месяцев. Директор цирка понимал, что молодой артист не виноват в том, что оказался в таком положении.

Однако Олег, будучи фанатиком во всем, чем он занимался, продолжал усердно репетировать. Однажды на его репетиции появился «папа Ладос». Он с удивлением посмотрел на незнакомые трюки, забавные «корючки» (мелкие трюки), на эффектные мизансцены и спросил:

– А это что такое?

– Да это тот самый номер, который запретили мне исполнять в цирковом училище.

– Ты вот что, сынок, ты сегодня одевайся, гримируйся. Давай-ка мы посмотрим на тебя в гриме, костюме и на публике.

Олег очень волновался, но отработал. К собственному удивлению, он имел у тбилисской публики невероятный успех. Грузинская публика и без того очень горячая, восприимчивая, а здесь настоящий европейский номер с роскошным «денди», который гуляет по проволоке, готовит еду, засыпает. Успех невероятный.

После номера Олег разгримировался и побежал к директору цирка. «Папа Ладос» встретил его, встал и с размаху... дал пощечину. Олег схватился за пылающую щеку:

– За что?

– Что ж ты два месяца меня морочил?

– Но ведь этот номер запрещен!

– Это у вас в Москве он запрещен. А здесь, в Тбилиси, будешь работать каждый день!

Так, в самом конце 1950 года началась артистическая карьера Олега Попова. Пока еще не «солнечного клоуна», а «эквилибриста на свободной проволоке». Он получил очень хорошие отзывы из Тбилиси. А потом из Еревана. Его номер был включен в «Молодежный коллектив», состоявший в основном из выпускников ГУЦИ, однокурсников Олега. Этот коллектив после успешных гастролей на Кавказе начали постепенно подвигать ближе к центру. Это заняло почти два года.

В СССР, да и сегодня в России, все артисты цирка были приписаны к Всесоюзному объединению – Союзгосцирк (сегодня Росгосцирк), расположенному в Москве. Командировки цирковых номеров на работу и в старые времена, и сегодня называются «разнарядками». Это были телеграммы директорам цирков о прибытии того или иного артиста или номера. Копию этой телеграммы (собственно «разнарядку») вручали артисту на руки. Если артист «работал» не в Москве, а в другом городе, то посылалось две «разнарядки» – одна артисту, а другая директору цирка в город, куда ему следовало прибыть.

Командировка-«разнарядка» в Саратовский цирк была очень ответственной. Это один из первых цирков в России, построенный в XIX веке еще братьями Никитиными. Там всегда был очень доброжелательный зритель, очень критич-

ный и в то же время искренне любящий цирк.

В те времена клоуны каким-то образом «прирастали» к провинциальным и московским циркам. В Москве 17 сезонов подряд работал Михаил Николаевич Румянцев, знаменитый Карандаш, который завоевал звание лучшего клоуна Советского Союза. Его знала вся страна. И это при том, что телевидения не было, а по радио клоуна не покажешь. А Карандаша знали все. И, как говорил Никулин, даже спрашивали: «А кто у вас сегодня вечером Карандашом работает?»

Таким клоуном в Ленинграде был Борис Вяткин. Он работал из сезона в сезон. И даже когда приезжали другие клоуны, всё равно выходил на манеж вместе с ними. Его очень любил ленинградский зритель.

Были любимцы-клоуны во многих провинциальных цирках. В Саратове любимцем публики был толстяк Боровиков. Это был клоун старой традиции с мощными буффонадами, с дурацкими смешными выходками, с падениями, с криками и обливаниями водой. Клоун-буффон.

Как и большинство старых клоунов, Боровиков серьезно выпивал. А тут перед самой премьерой в Саратове случилось несчастье. Клоун сломал ногу. И директор цирка схватился за голову: «Боже мой! В программе нет клоуна – это катастрофа. Зрители будут свистеть и возвращать назад билеты!»

Ведь не секрет, что многие зрители ходили тогда в цирк на конкретных артистов. Не то что сегодня, когда ходят прежде всего смотреть животных. Сегодняшняя бабушка приходит

и глядит на афишу: «Так, слоны и тигры. О, ежики. Мы еще не видели. Пойдем, внучок, посмотрим ежежиков».

К сожалению, тенденция сегодняшнего циркового искусства, превращающая цирк в подобие детского зоопарка, ужасна. В те времена поклонники знали артистов цирка поименно. Скажем, фамилия Довеико, лучшего акробата-прыгуна, была известна всей стране. И, конечно, клоун должен был присутствовать в цирковой программе непременно, потому что 50 процентов удовольствия от просмотра цирковой программы давали юмор и смех.

Директор позвонил в Москву. Ему сказали: «Прислать на премьеру никого не успеем. Посмотрите, у вас парень там есть молодой, эксцентрик, работает на проволоке. Он, когда учился в цирковом училище, очень много разных клоунад показывал, ездил на выезды, даже в московских клубах показывался несколько раз. У него есть некоторый опыт. Пусть попробует, выступит одно представление. Надо же выручать своих».

И директор цирка подошел с просьбой к юному Олегу Попову. Олег с удовольствием согласился выручить цирк. Он пригласил нескольких артистов программы, вызвал униформистов. И вместе с ними, как в былое время в электричке, начал репетировать клоунские репризы. Благо знал он этих реприз и клоунад больше сотни. И много раз пробовал на «халтурах» почти все.

Конечно, самой смешной репризой в репертуаре практи-

чески всех клоунов была «классическая» реприза «Вода». В ней клоуны пытаются облить водой своего незатейливого партнера, а в результате партнер остается сухим, а они обливаются с ног до головы.

Этой репризой многие клоуны заканчивали свое представление. И Олег тоже поставил ее, отрепетировав как следует. Были и другие классические репризы, которые Олег подготовил буквально за один день. Со страхом ожидал он вечернего представления, в котором впервые должен был работать и как эквилибрист на «свободной проволоке», и как коверный клоун. Ведь он выставил в тот вечер на манеж семь реприз. Огромный репертуар.

Зритель, ждавший Боровикова, сначала пришел в недоумение. Какой-то молодой мальчик, блондин с голубыми глазами, очень обаятельный, потрясаяще отработал на проволоке, а потом начал появляться в этом же костюме с партнерами, с униформистами и разыгрывать классические клоунады. Но разыгрывал он их весьма успешно. И зал сначала тихонько смеялся, а потом, когда пришла очередь репризы «Вода», хохотал до слез.

Утром пришла телеграмма из Москвы: «Высылаем вам коверных таких-то и таких-то. Прибудут через два дня. Попробуйте продержаться».

Директор тут же отправил ответную телеграмму в Москву: «Коверных присылать не надо. В программе клоуном работает Олег Попов».

С этого дня 1953 года начался триумфальный путь великого, всемирно известного клоуна. Путь, который длился более шестидесяти лет.

После Саратова пришла «разнарядка»: «Направляетесь на гастроли в Прибалтику с номерами “клоунада” и “свободная проволока”».

А вот это было уже признание. Когда молодому артисту приходит «разнарядка» уже не как эксцентрику на «свободной проволоке», а как клоуну, – это признание Москвы. Таким образом, в Саратове Олег Попов получил другую профессию. Этой телеграммой его признали коверным клоуном.

Гастроли в Прибалтике всегда были очень ответственными. Потому что здесь очень трудно привыкали к вхождению в состав СССР. Здесь царила совсем другая культура. Зачастую более высокая. Особенно в быту, в одежде, в этикете. Здесь артисту очень трудно было удивить публику и заставить ее смеяться.

Незадолго до появления Олега Попова в Риге произошел странный инцидент. Сюда приехал самый известный советский иллюзионист Эмиль Теодорович Кио.

Многие годы у Кио работал в качестве главного администратора легендарный Леонид Фрадкис. Этот Фрадкис был по меркам 50-х «королем рекламы». В сегодняшние времена он бы стал потрясающим продюсером, потому что обладал всеми теми качествами, которые так необходимы для администратора шоу-бизнеса. Фрадкис всегда возил в цирковом

багаже ровно тысячу огромных полутораметровых фотографий Кио. Его коллеги обычно расклеивали цирковые афиши только в центре города – максимум сто штук.

Обращаю внимание, что у него были не афиши, не календари, а огромные фотографии в рамках, на которых был портрет Эмиля Теодоровича Кио, сделанный лучшим фотографом Москвы.

Эмиль Теодорович имел внешность мистического мага. Он всегда выходил в черном фраке, белом жилете, белой бабочке, в золотых очках. И с этих фотографий на черном фоне он сурово смотрел на зрителей. Внизу на рамочке мелко было написано «Заслуженный артист республики Эмиль Кио». Как правило, внешность этого «волшебника» завораживала.

Приехав в Ригу, Фрадкис за одну ночь расставил эти фотографии в окнах всех главных улиц и площадей Риги. И когда утром в понедельник рижане проснулись, то они с удивлением увидели, что весь город заполнен портретами человека во фраке и с абсолютно западной внешностью. Этаким лорд Чемберлен.

«Боже мой, какое счастье! – шептались горожане. – Это вам не какие-то красные комиссары в сталинских френчах. Это солидный человек во фраке и золотых очках! Ясно – это наш новый президент, глава республики». Люди толпились большими группами, чтобы получше рассмотреть «президента».

Фрадкису позвонили очень быстро и приказали все эти фотографии снять.

И вот после этого, уже в 54-м, в Ригу приехал Олег Попов.

Олег рассказывал, что тогда еще не пришло время хиппи, еще не было моды на длинноволосых, а он уже носил волосы до плеч. Он ведь был натуральным блондином. Это придавало ему шик и особую стильность. А на манеже – яркую эксцентричность. Да, клоуны часто надевали рыжие и даже красные парики. А у Олега был «парик» из своих собственных роскошных волос. В юности он действительно обладал безумным обаянием.

Когда Олег Попов начинал работать в Прибалтике, то после своего номера сразу переходил на исполнение уже подобранной клоунады. Кое-какие репризы придумал сам. Конечно, он стал гвоздем программы. Рижский зритель пришел в восторг. Здесь посчитали, что раз клоун блондин, значит, обязательно прибалт, земляк. А земляка надо поддержать. И принимали его потрясающе. Было огромное количество рецензий. Писали в Москву: изумительный, выдающийся клоун.

Успех был неимоверный. «Молодежный коллектив» поехал дальше по стране, а Олега задержали в Прибалтике практически на год.

Так он совершал свой первый артистический круг, превратившись из эквилибриста на «свободной проволоке» в успешного клоуна с постепенно возникающим собствен-

ным репертуаром.

...В 1956 году, как известно, проходил XX съезд партии. Первый секретарь ЦК КПСС Хрущев выступил с разгромной речью и ввел понятие «культ личности Сталина». В качестве доказательства Хрущев назвал огромное число жертв репрессий. Фактически речь шла о геноциде собственного народа.

До этого выступления на съезде страна верила в непогрешимость Сталина. Эта вера десятилетиями внедрялась кровью. Те, кто не верил, – ехали в лагеря.

Старшее поколение помнило, что сам Хрущев был одним из самых преданных друзей Сталина. Долгие годы он входил в его «узкий круг». В архивах сохранились его записки Сталину, когда он руководил Украиной, с настоятельными просьбами увеличить лимиты по расстрелам. Теперь, чтобы удержаться на вершине власти, ему потребовалось полное развенчание ореола «великого вождя народов».

Наступило новое время – так называемой «оттепели». В стране появились «стиляги». У меломанов оказались пластинки с зарубежной музыкой. У некоторых людей, которые имели возможность поехать на Запад, или у тех, кто мог воспользоваться услугами спекулянтов, стала появляться супермодная одежда. У всего народа возникла надежда, что сейчас наступят настоящие добрые времена, что мы начнем жить нормальной человеческой жизнью. Как все.

Чиновникам от культуры надо было идти в ногу со вре-

менем. И они решили хотя бы слегка приоткрыть пресловутый «железный занавес». Чтобы убедить всех в правильности своего политического курса.

Идеологи ЦК КПСС долго думали, каким образом сделать это. Прежде всего надо показать Западу, что у нас тоже есть своя культура, достойная того, чтобы о ней говорили и писали на Западе.

Первым видом культуры, который показали на Западе, был цирк. И нетрудно объяснить почему. Потому что цирк понятен без слов. Не надо комментариев, не надо сложных текстовых пьес.

Собрали лучшую цирковую программу. Причем сбором этой программы занимался не только лично министр культуры, но и заведующий отделом культуры ЦК КПСС.

Выбрали лучшего жонглера, выбрали лучшего акробата, лучших выдрессированных медведей. Собрали программу экстра-класса. Но тут возникла заминка.

Какая же цирковая программа без клоуна? А лучшим клоуном в СССР на тот момент и еще на долгие годы, бесспорно, оставался Михаил Николаевич Румянцев – знаменитый Карандаш. А Михаил Николаевич, великий русский, советский артист, был действительно хорош и необыкновенен, но иногда позволял себе выпить лишку. Порой даже срывал представление. А вот этого допустить за рубежом было никак нельзя.

Ломали, ломали головы. И тогда решили: вот появился

у нас модный симпатичный парень, который всем нравится. А давайте отправим его. Если он не понравится зарубежной публике, скажем: «А мы в СССР делаем ставку на молодежь!» А если понравится, скажем: «Вот так мы воспитываем молодые кадры».

В подмогу Олегу Попову дали еще пару молодых клоунов. Вот таким образом и направилась цирковая программа рубать «железный занавес».

Первой страной, куда они приехали, была Бельгия. Королевский цирк в Брюсселе. Программа произвела эффект разорвавшейся бомбы, потому что номера, как сегодня говорят, были один в один. Но самой большой неожиданностью было появление молодого голубоглазого блондина, не «размалеванного», как все клоуны на Западе, с дурацкими клоунадами, когда его бьют батоном, а он из попы выпускает огонь.

А здесь просто доброжелательный, веселый молодой парень, который мог выйти к медведям, полетать на трапеции, исполнить любой трюк и который вызывал у зрителей искреннюю симпатию и улыбку. Таким клоуном и стал Олег Попов.

Танец с принцессой

Рассуждая об успехе вообще, Олег Попов часто говорил: «Успех – это муха, которая назойливо кружит вокруг тебя. Тебе надо просто вытянуть руку и держать ладонь открытой. И муха обязательно сядет на твою ладонь, надо просто быть к этому готовым».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.